

Феномен белорусского консерватизма: региональный аспект

Автор: Юрий Глушаков

В начале XXI века консервативная идеология, кажется, переживает свою очередную реинкарнацию. Тому есть свои объективные и субъективные причины. А есть ли у этого процесса свои локальные особенности? Например, в гомельском регионе?

Церковь, костел и синагога на гомельской улице

Оговоримся сразу, что при под консервативной идеологией мы будем понимать ее классический вариант. Дело в том, что в некоторых случаях об ортодоксальных сторонниках советского наследия тоже говорят как о «консерваторах». С нашей точки зрения, подобное определение будет неправильным по ряду соображений. Во-первых, он нарушает принятую во всем мире политологическую классификацию. Во-вторых, такая характеристика неверна по существу — сторонники идей радикальных преобразований, каковыми всегда оставались и коммунисты в СССР, не могут быть в принципе отнесены к охранительному лагерю. Однако и те, кто называет сторонников сохранения определенной части советского прошлого консерваторами, имеет для этого некоторые основания. Поэтому мы выделим «советских консерваторов» в отдельную, «пограничную» группу. Их интерпретация заслуживает отдельного рассмотрения.

Начнем же с носителей традиционной в этом смысле идеологии и с ее развития в нашем регионе. Гомель до последней четверти XIX столетия являлся вполне патриархальным местом, весьма благоприятным для культивирования подобных ценностей. Единственным «но», нарушавшее тамошнюю аграрно-феодалную пастораль, являлся многонациональный и поликонфессиональный состав местного населения. Большинство гомельских крестьян и мещан были белорусами и православными. При этом они находились под решающим влиянием русской и русскоязычной культуры. Наиболее старыми носителями русского языка на Гомельщине являлись российские раскольники, мигрировавшие сюда из московского, калужского, брянского регионов с конца XVII столетия. В то же время, с конца XVIII столетия насаждение русской культуры активно проводят чиновники, офицеры, учителя, священники, массово прибывающие сюда после присоединения Гомеля к Российской империи.

Униатство, кажется, не оставило здесь почти никакого следа. В то же время позиции костела в Гомеле были относительно сильны, при этом практически все католики автоматически причислялись к полякам. Большая часть помещиков Гомельщины как раз относили себя к таким католикам-«полякам». К ним же принадлежала и определенная часть гомельского мещанства. В XIX столетии появляются в Гомеле и первые протестантские секты.

Но несмотря на все строгости старообрядческой, православной и католической традиции, не было, наверное, более косной и закрытой среды в Гомеле, чем иудаистская община. Малоизвестен факт, но именно еврейские предприниматели и казаные раввины, а даже не черносотенцы и русские националисты, вместе с царской полицией выступили инициаторами первых нападений и террора над гомельскими «демократами» в конце XIX века. Правда, отпор дружин самообороны в конечном итоге заставил еврейских реакционеров отказаться от этих, по сути, погромных действий...

Консервативная революция

Революция 1905 года сильно переформатировала жизнь общества. Гомель, являвшийся одним из крупных центров революционного движения в Российской империи, отличался в ту пору весьма высокой динамикой политической жизни. Бурное образование политических партий не ограничивалось только социалистическими и рабочими организациями. Разбуженные революцией общества мещан и лавочников, купцов и предпринимателей, помещиков и домовладельцев Гомеля тоже требовали своего представительства, соответствующего духу времени. Даже в этой традиционной среде функции социальной репрезентации и самоорганизации все больше переходят от церковных приходов к политическим партиям и общественным деятелям, а религиозные доктрины постепенно заменяют политические идеологии.

При этом к классическим консервативным российским партиям в Гомеле того времени можно отнести, скорее всего, едва ли не один только «Союз 17 октября». К нему, в частности, принадлежал в 1917 году Фен-Раевский, бывший гомельский полицмейстер. Таковы были реалии того бурного времени, отдававшего приоритет радикалам. Даже такая партия конституционных монархистов, как кадетская, в условиях абсолютизма играла роль «левой» и чуть ли не революционной. Спорными являются и попытки записать в консервативный лагерь такие радикальные организации, весьма активные в Гомеле того времени, как «Союз русского народа» или «Союз Михаила Архангела». В своем противодействии революции «союзники» сами приняли на вооружение «революционные», а точнее — насильственные методы, которые по своему, но только с другой стороны, разрушали устоявшийся порядок царской России. Не случайно, что один из лидеров гомельских черносотенцев Аким Давыдов, правда, уже на скамье советского суда в конце 1920-х годов, характеризовал себя как «революционера справа», по своему «боровшегося за интересы рабочих».

Свои правые партии создавали и на еврейской улице. Одной из первых в начале XX века здесь появилась Еврейская независимая рабочая партия, охранительная по отношению к царской власти и созданная по инициативе полковника Охранного отделения Сергея Зубатова. В Гомеле действовала еврейская правоцентристская партия «Фолькспартей» («Народная партия», в переводе с идиш, сюда неоднократно приезжал ее лидер С. Дубнов. Гомель был одним из центров сионизма, который в своем правом варианте являлся, по сути, консервативным движением, и здесь действовали многие религиозные и правые еврейские партии — пока все они к середине 1920-х годов не были разгромлены ЧК-ГПУ.

Что касается высшего русского общества Гомеля того времени, то здесь столпом рассматриваемых нами ценностей являлась фамилия Паскевичей. Образцовое ведение крупного хозяйства при жестком авторитарном управлении, широкая благотворительность и полное поправление прав зависимых крестьян и простых горожан, элитарная роскошь княжеского дворца и вопиющая нищета соседних городских кварталов — такова была противоречивая реальность Гомельского имения князей Паскевичей. Не случайно, что именно Паскевичи стали символом консервативного «возрождения» в Гомеле уже в наше время...

Консервативная перестройка

Впрочем, были ли все 70 с лишним лет Советской власти действительно непрерывным «триумфом» идей чистого марксизма-ленинизма? На разных этапах и в советскую идеологию вкраплялись элементы консерватизма и традиционализма. Конечно, 1920-е и большая часть 1930-х годов в Гомеле, как и в целом по стране, прошли под знаком коренной революционной ломки. Но вот в самом конце 30-х сталинское руководство взяло курс на возвращение некоторых старых традиций — празднования Нового года, имеющее религиозные корни, исторического «классического» стиля в архитектуре, введения золотых офицерских погон в армии, и т.д.

Оценивать это, как консервативный поворот, конечно, не приходится, но определенная тенденция при этом наметилась... Но вот в период оккупации Гомеля немецкими войсками в 1941-1943 годах происходит настоящая реставрация. Значительной части городских улиц возвращают старые, дореволюционные названия — например, Советская вновь становится Румянцевской, проспект Ленина — Замковой, а парк носит теперь имя князя Паскевича. Открываются церкви — Петропавловский собор, Георгиевская военная церковь на Румянцевской, и другие. В школе вводят Закон Божий. Все эти меры, безусловно, могли бы вызвать симпатии значительной части населения, если бы не страшный нацистский террор, делавший любые пропагандистские демарши оккупантов и коллаборантов заранее проигрышными...

С началом перестройки ее путанная идеология, стремительно миновав этап возвращения к «чистому ленинизму», начинает обыгрывать как традиционалистские, так и либеральные идеи. Пропаганда «сексуальной вседозволенности» шагает в ногу с проповедью благочинности. Уже в конце 1980-х гомельский планетарий закрывается, а на его месте вновь открывается Петропавловский собор. Бывшие мастерские Союза художников БССР отдают под католический костел. Предпринимаются попытки организации в Гомеле униатской общины, правда, безрезультатные... Восстанавливается синагога и еврейская община, с помощью которой агентство «Сахнут» активно занимается отправкой гомельчан в Израиль. Рост классических протестантских и харизматических сект в разы обгоняет развитие политических партий и общественных организаций.

Можно сказать, что в Гомеле перестройка прошла скорее под знаком консерватизма, а не радикального либерализма и общественной эмансипации в ее западном варианте. В чем здесь дело? Неужели сыграли свою роль пережитки местечкового сознания косного мещанства, невежество люмпенов и темнота религиозных фанатиков? Или вся эта идеализация авторитаризма в любой форме — вовсе не социальная реакция, а показатель выработанной веками народной мудрости и его поклонения авторитету действующей власти, разумности элит и общественной устойчивости? Вряд ли... Впрочем, дело вовсе не в локальных традициях — иных, противоположных исторических параллелей революционности, прогресса и стремления к социальной модернизации в Гомеле было более чем достаточно. Просто такой вот проект на реформы в интересах номенклатуры были социальным заказом — не эпохи, а той же «перестроечной» бюрократии...

Вперед, в прошлое?

Еще один парадокс заключается в том, что как для власти, так и для оппозиции, наиболее востребованными оказались сегодня именно консервативные идеи. Можно даже говорить об определенной конкуренции между теми и другими на этом достаточно тесном идеологическом поле. Правда, интерпретация этих идеологем в исполнении обоих лагерей все же несколько разная. Дело в том, что в силу геополитических обстоятельств и собственной постсоветской природы правящая бюрократия в течение долгого времени в качестве пресловутой государственной идеологии использовала некий микс из уже упомянутого «советского консерватизма» с пророссийским традиционализмом. При этом, по мере развития рыночных отношений и превращения чиновников в нормальных буржуа, для бывшей номенклатуры даже символический «красный консерватизм» сегодня становится все более излишним и даже опасным. Ведь и декларативная проповедь социальной справедливости и общественного равенства может сыграть роль бомбы замедленного действия. Особенно ввиду того, как стремительно растет расслоение в обществе и монетизация всех сфер жизни. Отсюда и внезапно десоветизация Гомеля — смена названий улиц, снос памятников советского периода. Да и всегда приоритет в этом гомельском региональном варианте «госидеологии» отдавался наследию Российской империи. Достаточно

красноречиво об этом говорит культ Румянцевых-Паскевичей, в течение уже более двух десятилетий усиленно насаждающийся в Гомеле.

Однако ныне приоритеты могут меняться еще быстрее и неожиданнее. Нужды экономики и частные интересы номенклатурного бизнеса настоятельно требуют «диалога с Западом». Роль особого катализатора в этом процессе сегодня играют события в Украине. В качестве уступки на «западном фронте» правящая номенклатура начинает видеть некую белоруссизацию, или, по крайней мере, ее интенсивную имитацию. Бигборды про «ма-му — мо-ву» на гомельских улицах — одно из проявлений этого маневра...

А если говорить о следовании традициям, то для местной номенклатуры хорошим историческим примером может послужить уже упомянутый Фен-Раевский — бывший гомельский полицмейстер, при царе собственноручно разгонявший демонстрации протеста, он в последующем вступил в партию «Союз 17 октября» и даже с восторгом принял Февральскую революцию 1917 года.

В контексте крутых консервативных и прозападных поворотов, что выписывает сегодня правящий курс, поле для маневра у правой части белорусской оппозиции может несколько сузиться. Что касается консервативного крыла белорусской оппозиции, то в Гомеле оно представлено немалым количеством организаций. Правда, большинство из них располагает весьма малым числом членов... Старейшая из них — Белорусский народный фронт. Эти хрестоматийные белорусские националисты вышли из романтического периода национального Возрождения 80-х и до сих пор несут в себе все родовые черты того времени. Их национализм происходит скорее от книг, стихов, песен, легенд и истории ВКЛ, чем от реальной жизни. Шляхта и хуторская жизнь — это ближние рубежи и своеобразный идеал их Беларуси, «которую мы потеряли». В гомельском регионе их историческими предшественниками может быть только вышеупомянутая католическая традиция. Поэтому не случайно, что членство как в КХП-БНФ, так и в БНФ «Возрождение», невелико. В этом же формате, только с молодежным радикализмом, действует и местный «Молодой фронт». Несколько иную тенденцию представляет Белорусская христианская демократия. Ее отличие от предшествующей генерации — это усиление не националистического, а религиозного компонента, с упором на проведение неких практических кампаний по защите традиционных ценностей, в том числе — по борьбе с алкоголизмом, и т.д. Видимо, именно последнее обстоятельство, делает их активность относительно заметной.

Наиболее динамичная организация — это гомельский филиал «Руха „За свободу“». Движение придерживается скорее либерально-консервативного направления, более открыто и поэтому притягательно для молодежи.

Весьма активными в Гомеле являются также кампании, проводимые такими культурными организациями, как «Талака» и ТБМ. Национальный романтизм и традиционализм, лежащий в основе их деятельности, служит основой для перехода некоторых активистов этих НГО в политическое поле. При этом, однако, некоторые видные деятели этого общественного сектора выступают категорически против подобной трансформации.

Почему же гуманитарно-либеральные или социал-демократические постулаты, несмотря на их широкое декларирование всеми в 80-90-е годы, сегодня отброшены руководящими группами обоих лагерей на второй план? Таков контекст сегодняшнего дня, и он формируется не только в Беларуси. Экономический кризис повсюду ограничивает социальные маневры и программы. Вопросы гендерного равенства, экологии или толерантности, еще недавно столь популярные в международном сообществе, объективным ходом вещей задвигаются на второй план. Существующий государственный порядок в Беларуси нуждается в лояльных консервативных

гражданах так же, как в вечно бунтующих радикалах не заинтересовано сегодня и само международное сообщество.

Каким же будет дальше социальный вектор и политический приоритет? Консервативный консенсус возможен? С точки зрения правящих элит — возможен и весьма желателен. Но вот исходя из интересов общества и его развития — едва ли...